

A man with a beard and work gloves holds a chisel in a workshop. He is standing next to a large, dark, textured metal column. The background is dark and industrial, with other people visible in the distance. The lighting is dramatic, with a bright light source on the right and a blue light effect on the column.

Тина Пучини

Код Пантеона

Тина Пучини

Код Пантеона

<https://litres.ru/74666217>

SelfPub; 2026

Аннотация

Реставратор Мирон Ветров всегда думал, что просто хорошо чувствует камень. Пока не снял штукатурку с колонны Исаакия и не увидел след, которого не мог оставить резец. Будто лазер, но в 1858-м его еще не было.

С этого дня у него два врага: люди, которые слишком много знают, и люди, которые слишком много скрывают.

Он проходит по цепочке великих зданий мира — Петербург, Париж, Мальта, Рим, Самарканд, Индия, Вашингтон — и понимает: это не просто здания. Это узлы сети, выращенные древними создателями. Здания хранят частоту.

Тайный Фонд ее глушит. Государство подменяет. Каждый спасает человечество. И каждый ошибается. Потому что чистый сигнал стирает личность.

Мирон не построит ни одного здания, он вернёт людям право слышать. Если выживет сам.

Содержание

Глава 1. Штукатурка	4
Глава 2. Слишком ровный	8
Глава 3. Ночной визит	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Тина Пучини

Код Пантеона

Глава 1. Штукатурка

Штукатурка поддалась не сразу. Как будто знала, что под ней.

Мирон держал шпатель обеими руками — не потому, что было тяжело, а потому что руки мёрзли даже в перчатках. Ветер с Невы пробирал до костей, хотя на календаре был май. Исаакий стоял чёрный и мокрый, как скала в прилив. Гранит всегда мокрый, даже в сухую погоду. Мирон знал это на ощупь — ладонью, через перчатку.

Он работал на третьем ярусе лесов. Под ногами — доски, скрипящие на ветру. За спиной — купол, который при ближайшем рассмотрении оказывался не золотым, а серым от копоти. Внизу — площадь с туристами, которые фотографировали друг друга на фоне собора. Никто из них не смотрел вверх.

Мирон смотрел. Всегда.

Он снимал позднюю штукатурку — слой, который положили в XX веке, чтобы «облагородить» фасад. Это была рутинная работа. Скудная. Такая, после которой руки ноют, а глаза слипаются от пыли. Он делал это тысячу раз.

Шпатель вошёл в щель. Мирон нажал. Штукатурка треснула — сухо, как старая кость, — и отвалилась куском размером с ладонь.

Он замер.

Под штукатуркой был гранит. Серый, с вкраплениями. Обычный гранит, которого он видел тонны. Но на нём был след.

Мирон наклонился. Ближе. Ещё ближе.

След был ровный. Слишком ровный. Такие не оставляет резец. Резец оставляет борозды — неровные, с заусенцами, с характерным «хвостом» в конце. А этот след был... гладким. Как будто камень прорезали чем-то, что шло идеально прямо. Без колебаний. Без остановок.

Он провёл пальцем. След был тёплым. Не потому, что нагрелся на солнце — солнца не было. Он был тёплым, как будто внутри камня что-то работало.

Мирон отдёрнул руку.

«Это не резец», — подумал он. И сразу же: «А что это?»

Он знал инструменты. Знал, как выглядит след зубила, сверла, даже лазерного сканера. Он видел современные реставрационные работы. Он видел, как выглядят следы XIX века, XVIII, античные. Но этот след не был ни одним из них.

Он был... чище. Идеальнее. Как будто его оставили не рукой...

Мирон достал телефон. Экран запотел от влаги. Он протёр его рукавом и сделал снимок. Потом ещё один. Со

вспышкой и без. Потом включил макро — и увеличил.

На экране след выглядел ещё страннее. По краям — микроскопические насечки. Ровные, как пиксели. Как будто камень не резали, а... сканировали. Или записывали.

«Бред, — подумал Мирон. — Просто бред. Я устал».

Он убрал телефон. Отвернулся. Посмотрел на Неву, на серое небо, на туристов внизу. Всё было нормально. Обычный день. Обычная работа.

Но след остался. И он был тёплым.

Мирон ещё раз провёл пальцем. Ничего. Обычный камень. Холодный.

Он нахмурился. Посмотрел на перчатку. На пальце — серая пыль. Как всегда. Но под пылью — что-то ещё. Едва заметное. Как будто кожа на секунду стала... прозрачной?

Он потрянул головой. Устал. Точно устал.

Вечером, когда он спустился вниз, в бытовку, и снял куртку, он понял, что не может перестать думать об этом следе. Он сидел на скамейке, смотрел в телефон, листал снимки. След. След. След.

И в какой-то момент экран мигнул.

Не погас. Не выключился. Мигнул — как будто на секунду стал... другим. На долю секунды Мирон увидел на экране не свой снимок, а что-то другое. Сеть. Линии. Точки. Как на карте. Как на схеме.

Потом всё исчезло.

Мирон уставился на телефон. Снимок был на месте. След.

Гранит. Всё как обычно.

Но в углу экрана, там, где раньше ничего не было, теперь мигал маленький значок. Как уведомление. Как сообщение.

Мирон нажал.

«Это не резец. Это фильтр».

Отправитель: К.

Глава 2. Слишком ровный

Мирон не ответил сразу.

Он смотрел на сообщение минуту. Две. Пять. Текст был короткий — три слова. Но в нём было больше смысла, чем во всём, что он слышал за последний год.

«Это не резец. Это фильтр».

Он знал, что такое фильтр. В его работе — это сетка, сито, мембрана. Что-то, что пропускает одно и задерживает другое. Но камень — не вода. Камень не пропускает. Камень держит.

Или... не держит?

Он открыл профиль. Аккаунт был пустой. Аватарка — серая. Ни имени, ни фото, ни подписчиков. Только буква «К».

«Кто ты?» — написал он.

Ответ пришёл через секунду. Быстро. Слишком быстро для человека, который только что получил сообщение.

«Не здесь. Позвони».

Номер. Московский. Мирон смотрел на него, как на гранату с выдернутой чекой.

Он не позвонил. Убрал телефон. Встал. Прошёлся по бытовке. Посмотрел в окно. На улице темно. Леса вокруг Исаакия стояли как скелет — металлические прутья, на которых держалась вся эта махина. Внизу кто-то ругался. Слышался звук отбойного молотка.

Он снова достал телефон.

«Кто ты?» — повторил он.

«Я та, кто видит то же, что и ты. Позвони. Или завтра тебя уволят».

Мирон усмехнулся. Уволят? За что? За то, что он нашёл след на камне?

Он набрал номер.

— Слушаю, — голос был женский. Молодой. Быстрый. Без предисловий. — Ты снял штукатурку на третьем ярусе. Слева от входа. Я права?

Мирон молчал.

— Права, — сказала она. — Я видела твоё фото. В общем чате реставраторов. Ты выложил его час назад. Я успела скачать до того, как ты удалил.

— Я не удалял.

— Удалил. Проверь.

Мирон открыл чат. Фото было на месте. Но под ним — сообщение от модератора: «Удалено по требованию администрации».

— Кто ты? — повторил он.

— Меня зовут Кира. Я работаю с архивами. Цифровыми. И я знаю, что ты нашёл. Я видела такие следы раньше. В других местах.

— В каких?

— В Париже. В Риме. В Самарканде. Везде, где стоят эти здания. Пантеоны. Соборы. Мавзолеи. Я собираю их три го-

да. И я знаю, что это не резец.

Мирон присел на скамейку. Внутри что-то сжалось. Как будто он стоял на краю и смотрел вниз.

— Что это? — спросил он.

— Я не знаю, — сказала Кира. — Но я знаю, что это не XIX век. И не XVIII. И не античность. Это... что-то другое. Что-то, что было здесь до всех нас.

— Ты понимаешь, как это звучит?

— Понимаю. Поэтому и пишу тебе, а не в полицию.

Мирон молчал. За окном кто-то крикнул. Отбойный молоток замолчал. Стало тихо.

— Завтра, — сказала Кира, — к тебе придут. Не из Фонда. Из тех, кто хочет, чтобы ты забыл. Они не будут угрожать. Они будут предлагать. Деньги. Работу. Молчание. Ты откажешься. Тогда они придут снова. И тогда будет по-другому.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я через это прошла. Три года назад. Я нашла первый след в Париже. Мне предложили работу в архиве. Я согласилась. Через месяц я поняла, что работаю на них. Через два — что они не хотят, чтобы я копала глубже. Через три — что если я не остановлюсь, меня остановят.

— И ты остановилась?

— Нет. Я ушла. В подполье. Теперь я собираю то, что они хотят скрыть.

Мирон смотрел на телефон. На экране мигал значок записи. Он не помнил, как его включил.

— Что мне делать? — спросил он.

— Ничего, — сказала Кира. — Просто будь осторожен. И не верь никому. Даже мне.

Она отключилась.

Мирон сидел в тишине. Телефон в руке был тёплым. Как тот след на камне.

Он посмотрел на снимок. След. Ровный. Идеальный. Тёплый.

И тут он заметил то, чего не видел раньше. В углу снимка, там, где гранит переходил в штукатурку, был ещё один след. Маленький. Едва заметный. Как будто кто-то выбил на камне крошечный значок — квадрат с точкой внутри.

Он увеличил. Значок стал чётче. Квадрат. Точка. И вокруг — микроскопические линии. Как схема. Как код.

Мирон смотрел на него минуту. Две. Пять.

Потом он понял, что это не просто значок. Это QR-код. Выбитый на граните. В 1858 году.

Глава 3. Ночной визит

Он не пошёл домой. Не смог.

Вместо этого он вернулся на леса. Ночью. Без пропуска. Через дыру в заборе, которую знали все, но никто не чинил.

Исаакий в темноте был другим. Не храмом. Скелетом. Леса окружали его, как рёбра — грудную клетку. Ветер гудел в металле. Где-то капала вода. Пахло известкой и машинным маслом.

Мирон поднялся на третий ярус. Медленно. Осторожно. Доски скрипели под ногами. Он держался за перила — холодный металл, покрытый ржавчиной.

След был на месте. Тёплый. Он снова провёл пальцем. Ничего. Обычный камень.

Но теперь он знал, что искать. Он достал телефон. Включил фонарик. Направил на колонну. Квадрат с точкой. Маленький. Едва заметный. Но он был.

Мирон присел. Достал лупу — маленькую, складную, которую всегда носил с собой. Приложил к камню.

Значок был выбит идеально. Каждая линия — ровная. Каждый угол — прямой. Как будто не рука человека, а машина. Но такой машины в 1858 году не было.

Он сделал снимок. Потом ещё один. Макро. С разных углов. Потом достал маленький скребок и осторожно — очень осторожно — соскоблил немного гранитной пыли с края

значка. Ссыпал в пробирку. Заткнул пробкой.

Это была улика. Настоящая. Не фотография. Не слово. Камень.

Он убрал пробирку в карман. Выпрямился. И тут услышал шаги.

Не свои. Чужие. Тяжёлые. Медленные. Кто-то поднимался по лесам. Снизу. Ближе.

Мирон замер. Выключил фонарик. Присел. Шаги приближались. Он слышал дыхание. Тяжёлое. Как у человека, который несёт что-то тяжёлое.

Он выглянул через щель в досках. Внизу, на втором ярусе, был силуэт. Мужчина. Высокий. В тёмной куртке. Он шёл к лестнице. К третьему ярусу.

Мирон отполз от края. Прижался к колонне. Сердце билось в горле. Он не боялся. Он злился. Кто-то пришёл за его находкой.

Шаги стихли. Мужчина остановился. Мирон слышал, как он дышит. Как он стоит. Как он... ждёт.

Потом — звук. Металлический. Как будто кто-то достал инструмент. Что-то острое. Мирон слышал, как лезвие царапнуло камень.

Он не думал. Просто встал. Вышел из-за колонны. Включил фонарик.

— Стоять.

Мужчина обернулся. Свет ударил ему в лицо. Он зажмурился. В руке — стамеска. Острая. Блестящая.

— Ты кто? — спросил Мирон.

Мужчина молчал. Потом улыбнулся криво, как будто знал что-то, чего не знал Мирон.

— Ты нашёл то, что не должен был, — сказал он. — Отдай.

— Что отдать?

— Образец. Ты соскоблил камень. Я видел.

Мирон сжал пробирку в кармане. Она была тёплой. Как след.

— Уходи, — сказал он.

Мужчина шагнул вперёд. Стамеска блеснула.

— Ты не понимаешь, — сказал он. — Это не твоё. Это никогда не было твоим. Ты просто... нашёл. Как и все остальные. Как я. Как она.

— Она?

Мужчина улыбнулся снова. И тут Мирон понял: он не собирается драться. Он собирается забрать. Просто забрать. Как вещь.

Он рванул в сторону. К лестнице. Мужчина бросился за ним. Мирон прыгнул через перила — на ярус ниже. Приземлился на доски. Больно. Колено. Но побежал.

За спиной — шаги. Тяжёлые. Быстрые. Мужчина не отставал.

Мирон знал леса. Каждую доску. Каждый поворот. Он работал здесь год. Он спустился на второй ярус. Потом на первый. Потом — на землю. Через дыру в заборе. На улицу.

Он бежал, не оглядываясь. До угла. До переулка. До метро. Только там он остановился. Прислонился к стене. Дышал так часто что задыхался.

Пробирка была в кармане. Тёплая.

Он достал телефон. Написал Кире.

«Он приходил. За образцом».

Ответ пришёл через секунду.

«Уходи из города. Сейчас. Завтра будет поздно».

Мирон посмотрел на Исаакий. Собор стоял тёмный и мокрый. Леса вокруг него — как клетка. Он больше не казался храмом. Он казался... машиной. Огромной. Старой. И работающей.

Мирон убрал телефон. Пошёл к метро. В кармане — пробирка. В голове — след. В груди — что-то, что он не мог назвать.

Он не знал, куда идёт. Но он знал, что не остановится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.